

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иосифович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 133.

ХАРЬКОВЪ, ЧЕТВЕРГЪ 21 Мая (2 июня) 1881 года.

Годъ I.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

Редакция газеты помещается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1; для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2 до 3 часовъ дня. Статьи, доставляемыя безъ означенія условій, принимаются безвѣстно. Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ редакцію, должны быть съ подписью и съ адресомъ автора.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛАМЪ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Город. безъ доставки	10 50	10	9 25	8 50	7 75	7	6	5 40	4 50	3 50	2 40	1 20
Город. съ доставкой	12	11 50	10 75	10	9 10	8 20	7	6 30	5 20	4	2 80	1 40
Изгородные	12 50	12	11 25	10 25	9 50	8 50	7 50	6 60	5 60	4 50	3 20	1 60

Допускается разсрочка въ платежъ за годовую экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наждого мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе канъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московскомъ ул., въ домѣ Императорскаго Университета, № 7, при „Публичной Библиотецѣ“ Александра Александровича Иосифовича, принимающаго подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 9 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресенье и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ—у Havas, Laflie et Co, 8 Place de la Bourse; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскій, домъ Солодовникова, въ Петербургѣ—въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френкель на Сенаторскій ул., въ домѣ № 22.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 20-го мая 1881 года.
Земская народная школа, И. Ренесана.
Школьная хроника: Городская дума.
Телеграммы: (отъ „Международной телеграфической агентств.“)
Дѣйствія правительства.
Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южного Края“ изъ с. Пятикарнаго, Нахичевани и Потамы. — Административныя новости. — Извѣстія изъ газетъ.
Обозрѣніе газетъ и журналовъ.
Политическое обозрѣніе.
Календарь.
Справочныя свѣдѣнія.
Фельетонъ: Папаша, Н. А. Хлопова.
Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

20-го мая 1881.

Въ воскресенье, 24 мая, въ 9½ часовъ утра, имѣетъ совершиться открытіе харьковского исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ. Дѣло, которое ведется съ неутомимою энергіею съ 1869 г., осуществляется, наконецъ, къ великой радости тѣхъ, которые вложили въ него много труда, заботы и любви. Думаемъ, что съ устройствомъ пріюта порадуется и всѣ, понимающіе, какое плодотворное значеніе можетъ имѣть открытое учрежденіе для нашего края. Великая идея исправленія, въ виду массы печальныхъ фактовъ несправедливости взрослыхъ преступниковъ, уже не имѣетъ того обаянія, какое она когда то имѣла, когда впервые, послѣ періода утратившей и жестокой юстиціи, стала проникать и улучшать мрачную дѣятельность мысли о томъ, что дѣль

наказанія—нравственное перерожденіе падшаго человека. Сангвиническія надежды, возлагавшіяся на пенитенціарныя учрежденія друзьями человѣчества, не оправдались, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, чтобы дать полное удовлетвореніе. Все чаще и чаще встрѣчается, въ современной литературѣ, мысль, что взрослый, совершенно законченный въ своемъ нравственномъ развитіи, человѣкъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ—можетъ быть дѣйствительно исправленъ. Но чѣмъ больше высказывалась недоверія къ идеѣ исправленія взрослыхъ преступниковъ, тѣмъ съ болѣею надеждою обращаются взоры филантроповъ на пріюты для молодыхъ преступниковъ. Отъ этихъ учреждений ожидаютъ рѣшенія великаго вопроса объ уменьшеніи преступности въ обществѣ. Молодой преступникъ—плодъ дурной среды, пьяныхъ родителей, нищеты, проституціи. Молодой преступникъ можетъ быть воспитанъ, обученъ, направленъ на путь добра. Въ большинствѣ случаевъ, мы имѣемъ предъ собою дитя, на которое еще можно влиять религіею, воспитаніемъ, дисциплиною и обученіемъ. Уменьшая число молодыхъ преступниковъ, дѣлая изъ нихъ полезныхъ гражданъ, мы прямо дѣйствуемъ на уменьшеніе преступности. Харьковский пріютъ открывается при благопріятныхъ условіяхъ въ томъ смыслѣ, что онъ имѣетъ предъ собою опытъ другихъ подобныхъ учреждений въ Россіи, опытъ, который можетъ предостеречь его отъ ошибокъ и увлеченій. Религіозно-нравственное воспитаніе

и строгая дисциплина должны быть положены въ основу того режима, который можетъ благотворно дѣйствовать въ пріютѣ. Отмѣчая сегодня отрядный фактъ предстоящаго открытія пріюта, мы надѣемся скоро возвратиться къ обсужденію вопроса о способѣ исправленія молодыхъ преступниковъ. Вопросъ этотъ заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія и вниманія общества.

Будемъ постоянно помнить, что отъ успѣховъ харьковского пріюта зависитъ судьба всѣхъ подобныхъ учреждений на югъ Россіи.

Если нашъ пріютъ пойдетъ хорошо, если онъ будетъ давать блгае результаты, онъ сдѣлается образцомъ для дѣла края и источникомъ великаго добра для бѣднаго населенія.

Земская народная школа.

„Въ дѣлѣ, поработавъ реалъными нуждами, имѣя въ виду свободу дѣятельности разумъ“ (Гегель).

Земскія силы, на которыя болѣе всего можно было надѣяться въ поднѣянтіи нравственнаго, умственнаго и экономическаго уровня нашего крестьянства, до сихъ поръ не оправдали ожиданій. Дѣйствія ихъ не всегда послѣдовательны и болѣею частью сопровождаются спазматическими симптомами и крайнею неустойчивостію. А между тѣмъ земскіе центры, въ которыхъ группируются интересы извѣстнаго района, относятся сочувственно и сознательно къ интересамъ населенія, могли бы сослужить истинную службу и народному образованію и народному хозяйству.

Даже лучшія наши земства въ дѣлѣ народнаго образованія далеко небезупречны, потому что отношенія ихъ слишкомъ казенны и формальны. Съ одной стороны, они заботятся о численномъ увеличеніи школъ, съ другой, не обращаютъ никакого вниманія на то, въ какомъ положеніи находятся уже существующія школы, какъ будто забота объ этомъ и не касается ихъ.

По самымъ разнообразнымъ отзывамъ и, отчасти, по своимъ собственнымъ наблюденіямъ приходимъ къ тому, что положеніе громаднаго большинства земскихъ школъ слишкомъ неудовлетворительно. Помѣщенія недостаточны, грязны, холодно, мало приспособлены къ учебнымъ занятіямъ. Пособій слишкомъ мало и полное отсутствіе книгъ для чтенія. Преподаватели тоже плохи и составляютъ сбродъ изъ лицъ всѣхъ сословій, начиная съ отставныхъ солдатъ и кончая семинаристами, временными занимающими эти должности, въ ожиданіи болѣе хлѣбныхъ и выгодныхъ мѣстъ пастырѣ духовныхъ.

Плачевнаго положенія школы не могутъ не видѣть земскіе дѣтели, однако они въ большинствѣ случаевъ стараются показать, что ничего не ви-

дѣтъ, что все обстоитъ „благополучно“, какъ бытъ должно. Не странно ли такое отношеніе къ дѣлу? Не странно ли и то, что земцы, какъ люди, стоящіе очень близко къ народу, а слѣдовательно, и хорошо съ нимъ знакомые въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, до сихъ поръ серьезно не задали себѣ вопроса: насколько, при настоящихъ условіяхъ и настоящей программѣ, земская школа удовлетворяетъ нуждамъ и требованіямъ народа? А вѣдь такой вопросъ самъ собою простираетъ на языкъ и требуетъ серьезнаго обсужденія съ точки зрѣнія земства, ужъ въ виду единственно затрагиваемыхъ суммъ, о полезномъ употребленіи которыхъ обязано заботиться земство. Соглашаясь вполнѣ съ общимъ положеніемъ, что забота о поднѣянтіи нравственнаго уровня нашего крестьянства необходима, я постараюсь разсмотрѣть этотъ путь, которымъ идти къ этой цѣли наша интеллигенція вообще и земство въ частности. Путь этотъ—земская народная школа.

Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію справедливости надежды, возлагаемыя на школу, считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, съ моей точки зрѣнія весьма важное, что сельская школа, въ большинствѣ случаевъ, не была и не есть плодъ живительности крестьянина. Потребность въ ней и полезность, не чувствовалась крестьяниномъ, и появленіе школъ въ селахъ нашихъ нельзя приписывать сознанию крестьянъ, что грамотность имъ необходима, а единственно приказанію „начальства“.

Крестьянинъ недовѣрчиво, а подчасъ и недружелюбно, относится къ устраиваемой земствомъ школѣ, потому что не видитъ въ обученіи грамотности никакихъ практическихъ полезныхъ результатовъ.

Но его въ этомъ случаѣ не слушаютъ и не спрашиваютъ, а просто приказываютъ послать дѣтишекъ въ школу, полагая, что онъ грубъ, неграмотенъ, что не можетъ познать истины объ улучшеніи своей судьбы, по неимѣнію необходимыхъ для этого качествъ: умренности, аккуратности, трезвости, бережливости, которыя приобретаются, по вѣнью многихъ, единственно путемъ школы и грамотности.

Странно требовать, чтобы дѣль умѣренъ и бережливъ тотъ, кто не въ состояніи удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ жизни, а положеніе нашего крестьянина именно таково. Я согласенъ, что многие изъ крестьянъ придаютъ пьянству, неумѣренности, по основательно ли приписывать этотъ порокъ дѣлому крестьянскому сословію и исключительно только ему одному? Вѣднѣкъ не хотѣтъ простить того, что сплошь и къ ряду встрѣчается въ болѣе образованномъ

кругѣ, кругу, который, благодаря своему положенію и образованію, долженъ былъ бы давать другой примѣръ...

Наша сельская школа далеко не оправдываетъ цѣли и не идетъ дальше того, что, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, учащійся выходитъ съ умѣніемъ читать печатное, очень плохо разбираетъ писанное, да кое-какъ подписать свою фамилію. Но вѣдь это только что по выходѣ изъ школы, а придетъ голъ, другой и юный грамотѣй, среди своей трудной постоянной работы, не имѣющей ничего общаго съ грамотой, которую ему дала школа, совершенно забудетъ все, чему учился въ продолженіи двухъ, трехъ лѣтъ. И если ему придется, въ качествѣ свидѣтеля, или присяжнаго засѣдателя, подписать свою фамилію, то онъ скорѣе готовъ сказать „неписаннымъ“ и попроситъ кого-нибудь „приложить за него неграмотнаго руку“, чѣмъ рѣшится самъ послѣ двухъ, трехъ лѣтъ вѣзаться за перо, отъ котораго отвыкъ, въ постоянной работѣ съ топоромъ, вилами, лопатой, сохой...

Мы взяли благопріятный случай, полный успѣхъ со стороны ученика и то, какъ видите, результаты не блестящи. Грамота вылетаетъ изъ головы крестьянина, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, кромѣ развѣ пріятнаго воспоминанія о щелчкахъ и подзатыльникахъ, на которые особенно щедръ благосклонныя учителя.

Если даже предположимъ, что народная школа выпускаетъ съ такими прочными знаніями, которыя никогда не забываются, то и тогда, мнѣ кажется, польза отъ этой грамоты крайне сомнительна. Одна грамотность, т. е. умѣніе читать и писать, еще не удовлетворяетъ тѣмъ надеждамъ, которыя возлагаются на школу. Не можетъ же грамотность поднять ни умственнаго, ни нравственнаго уровня крестьянина. Грамотность небольшое какъ только средство, орудіе для этой цѣли, но имѣть орудіе въ рукахъ еще не значить—цѣль достигнута. Топоръ прекрасный и вѣрное орудіе для рубки дровъ, но топоръ дровъ замѣнитъ не можетъ и отъ топора въ комнатѣ теплѣй не будетъ, подобно тому, какъ отъ грамотности крестьянинъ не станетъ ни умнѣе, ни трудолюбивѣе, ни честнѣе, а останется такимъ же крестьяниномъ съ его врожденными привычками и наклонностями, каковыя были, и не разумія грамоты. Грамотность, конечно, прочный, надежный фундаментъ народнаго развитія и вѣрное средство для пріобрѣтенія знаній. Но что значить одинъ фундаментъ безъ знаній? Что значить вѣрное средство, если примѣненіе его невозможно?

А невозможно примѣненіе грамотности для пріобрѣтенія полезныхъ знаній въ нашемъ народѣ по очень многимъ

уважительнымъ и серьезнымъ причинамъ. Обратите вниманіе, много ли имѣетъ крестьянинъ свободнаго времени, которое могъ бы употребить на чтеніе! Если даже въ зимнее время и найдутся свободные часы, то спрашивается, откуда взять книги? Книги не вездѣ продаются, стоятъ дорого, не по средствамъ крестьянину; да и притомъ, чтобы заняться чтеніемъ съ цѣлью самообразованія, или самообученія, для этого нужно быть достаточно подготовленнымъ, а ужъ сельская школа, какъ бы ее не идеализировали ея горячіе защитники, положительно не можетъ настолько подготовитъ.

Слѣдовательно, народное образованіе, при настоящихъ условіяхъ, далѣе грамотности не идетъ, а одна грамотность, принимаемая во вниманіе экономическое и семейное положеніе крестьянина, никакой ему пользы не приноситъ. И это какъ нельзя болѣе сознается и понимается логически-здравымъ разумомъ народа. Крестьянинъ, не привыкшій къ софистикѣ и къ высокимъ соображеніямъ, не берущихъ часто въ расчетъ самыхъ простыхъ вещей, думаетъ, что всякій трудъ долженъ быть вознагражденъ, и если работа не даетъ выгодныхъ результатовъ, то ее слѣдуетъ вовсе бросить. Крестьянскіе мальчичи, проведя въ школѣ два, три года, естественно должны зарабатывать болѣе тѣхъ сверстниковъ своихъ, которые въ школѣ не были. Но на практикѣ это не оправдывается. Слѣдовательно, школы, учащія одной грамотой, не даютъ крестьянскимъ дѣтямъ ничего, кромѣ траты времени, въ которое они могли бы помогать родителямъ. Чтобы вполнѣ высвѣтлить взглядъ русскаго народа на школу, необходимо постараться встать на его точку зрѣнія. Толковый крестьянинъ стоитъ на экономической почвѣ, которая теперь особенно часто вызываетъ его на размышленіе, потому что онъ съ каждымъ годомъ обдѣлываетъ все болѣе и болѣе. До реформы хотѣ и не сладко жили, однако матеріально онъ былъ гораздо обеспеченнѣе, чѣмъ теперь. Въ настоящее время, хотѣ и считается свободнымъ, но сталъ бѣднѣе и часто бываетъ поставленъ въ необходимость поднадевать подъ тяжолую эксплуатацію всякихъ проходивцевъ-кулаковъ. При крѣпостномъ правѣ, помѣщикъ съѣзъ за нерадивое веденіе хозяйства, теперь чиновникъ подводитъ подъ розги, черезъ волостной судъ, за неплатежъ недоимки, вынуждаетъ продавать послѣдній скотъ, оставляетъ поле безъ удобренія и обработки—въ концѣ концовъ скучное хозяйство. Не обобщая розовыми мечтами и пріятными фантазіями, а холодно и трезво обсудивши настоящее положеніе крестьянина, нельзя не прі-

ПАПАША

(Страница изъ воспоминаній)

Природа отмигивала его вышность рѣзкими и характерными чертами. Стоить только развѣдуть его, чтобы понять, никогда уже не забыть. Довольно одной минуты, чтобы чрезъ много лѣтъ воскресить его образъ въ своемъ воображеніи. Я давно видѣлъ „папашу“. Обстоятельства, при которыхъ это случилось, начисто стерлись изъ моей памяти, но самый образъ живъ, и даже въ эту минуту стоитъ мнѣ только не надоло закрыть глаза и мысленно проговорить: „папаша, живи!“—какъ тотчасъ же возникаетъ предо мной—сперва словно въ туманѣ, а затѣмъ все яснѣе и яснѣе—слѣга сгорбившійся, страшно высокая и сухая фигура, облеченная въ халатъ азіатскаго покроя, съ руками широкими вверхъ и постепенно суживающимися къ низу, фигура, съ непомрухой малой, слегка уже трясущейся головой, покрытой на затылкѣ подобіемъ красной бархатной фески, изъ-подъ которой, по обѣ стороны, пробиваются длинныя пряди волнистыхъ волосъ стальнаго цвѣта съ жолтоватымъ отблескомъ; рисуется узкій высокий лобъ, изборожденный тонкими, рѣзкими морщинами, которыми покрыто и все лицо, жолтое и гладко выбрито; изъ-подъ нависшихъ подвиж-

ныхъ бровей смотрятъ на меня маленькіе, нѣжно, вѣроятно, срыне, но теперь, почти жолтые, безпокойно бѣгающіе, съ сухимъ блескомъ, глаза, и наконецъ—блѣдная рѣзко очерченныя и всегда плотно сжатая губы, никогда не складывавшіяся въ улыбку и только очень рѣдко раскрывавшіяся для рѣзкаго сильнаго хохота, всегда неожиданнаго и изставляющаго собесѣдника въ изумленіи. Вотъ „папаша“! Въ описаніи его, я, вѣроятно, не ошибаю: я рисую его точно съ натуры. Такую фигуру читатель мой, вѣроятно, не каждый день встрѣтитъ на улицѣ. Однимъ словомъ, если бы моего героя, вмѣсто его обычной папки, вооружилъ таинственнымъ жезломъ, или облачилъ въ высокую остроконечную шапку съ разными кабалестическими знаками и изобращеніями,—то заклиная мѣй или средневѣковій алхимикъ явился бы во вселенную.

Жилъ онъ одинъ, какъ волшебникъ, въ своемъ обширномъ помѣстьи, расположенномъ въ тѣхъ мѣстахъ нашего края, гдѣ лѣсныя рои мало по малу начинаютъ уже рѣдѣть, уступая мѣсто необятнымъ степнымъ равнинамъ. Вдалѣ отъ болѣе дорогъ и оживленыхъ людскихъ поселеній, среди необработанной пущи, усѣянной лопухами и дикимъ терномъ, раскинувшись усадьба „папаша“... Мѣсто печальное!

Такой видъ имѣлъ, вѣроятно, райскіе послѣ того, какъ изъ него съ проклятіемъ были изгнаны наши прародители и надъ нимъ поселился духъ смерти и разрушенія: мѣстность удобная для философскихъ размышленій и грабежей съ поводомъ.

Въ громадномъ домѣ онъ занималъ всего только пять комнатъ, остальные же уже много лѣтъ какъ были забыты и никогда не открывались. Но они не были пусты: народное воображеніе населило ихъ сонмищемъ нечистой силы—чертями, домовыми и лѣшными, съ которыми хозяйилъ, по мнѣнію людей знающихъ, находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Въ полуразвалившейся дымовой трубѣ свилъ себѣ гнѣздо филинъ, въ темныя, сырыя ночи тревожающій окрестности своимъ рѣзкимъ заунывнымъ крикомъ, похожимъ на плачъ поджитаго голоднаго ребенка... Къ дому примыкала сѣнь, вполнѣ до самаго шестидесяти перваго года усердно расчищавшійся, а нынѣ страшно запущенный и увитый тысячами вороньихъ гнѣздъ... Поселенный отъ сырости мраморная статуя, изображавшая собою разнаго божества древней Эллады, были полуразбиты. Воинственный Марсъ остался безъ правой щеки, которую онъ потерялъ въ борьбѣ съ самымъ сильнымъ врагомъ—всеразрушающимъ временемъ; богиня любви, красавица

Венера, съ отбитою рукой, стыдливо вытѣлаивала изъ-за тѣнистой роицы рѣшитель и глухой крапивы; одинъ только бородатый Юпитеръ стоялъ непогнутый въ сторонѣ и, казалось, грустно размышлялъ о разрушеніи своего Олимпа—пантеонъ молилъ невнимательнаго владыку о реставраціи. Онъ, какъ старшина и начальникъ, еще энергичнѣе Мисра проклиналъ своего заглаго вѣра—время, то самое время, которое нѣкогда, разрушивъ его тронъ, назвало соимъ подвластивъ ему божество въ высотѣ Олимпа на землю и употребилъ ихъ величественныя изображенія для украшенія разныхъ невинныхъ игрушекъ, и теперь вдобавокъ еще полуразрушилъ и это недостойное употребленіе вѣдогда великаго и святоотечнаго...

Фамилія владыка всѣхъ этихъ печальныхъ боговъ и нашего героя—Заключеновъ. Въ народѣ подъ этимъ провинцемъ его мало кто зналъ; тамъ онъ болѣе былъ извѣстенъ подъ почетнымъ именемъ „папаша“. Въ народѣ имѣли о немъ ходили самыя разнообразныя толки, изъ которыхъ несомнѣнно вѣрнымъ былъ тотъ, который почти всегда произносился шопотомъ и гласилъ, какъ въ одно прекрасное утро онъ проклялъ и разогналъ всѣхъ трехъ своихъ дѣтей... Благородные люди уѣзда, знавшие и употреблявшие по множеству иностранныхъ словъ, на-

зывали его „мизантропомъ“, а позднѣе, въ эпоху нашествія въ литературу разныхъ „фобовъ“, назвали „папашу“ еще къ тому же, въ шутку, и „дѣтофобомъ“. Эти послѣдніе—(т. е. благородные люди уѣзда)—чрезвычайно рѣдко и то развѣ по безотластнаго необходимости заѣзжала въ громадный пустой домъ, о внутренней обстановкѣ котораго досужая людская молва распускала всевозможныя слухи. Простой народъ, проникавшій въ дѣль передѣль, говорилъ, что въ этой комнатѣ стояло чучело медвѣды съ хитрымъ механизмомъ, при помощи котораго это страшное животное бросалось на каждаго входившаго мужика и крѣпко сжимало его въ своихъ непрошенныхъ объятіяхъ. Убѣждали, что неразъ приходилось вытаскивать изъ лапъ медвѣды полумертвыхъ отъ страха людей... Господа средняго помета—небогатые помѣщики и разношнцы, имѣвшие доступъ уже далѣе, въ гостиную,—съ удивленіемъ рассказывали о густыхъ медвѣжьихъ мѣхахъ, сплошь устилавшихъ полъ гостиной, о страшныхъ чучелахъ млекопитающихъ и пернатыхъ, которыми были уставлены всѣ четыре стѣны и еще нѣсколько этажерокъ. Люди совсѣмъ высокаго помета, бывавшіе въ самой спальной, божавшіе, что своими глазами видѣли калмыцкую палатку, въ

которой послѣ обѣда будто бы любилъ спать „папаша“, съ наслажденіемъ воображали себя въ первобытныхъ степяхъ Азіи, къ которой онъ питалъ особенную симпатію... Напуганные слухами о нелюдимомъ, жолчномъ и деспотическомъ характерѣ старика, люди, не безъ боязни, входили въ таинственное обиталище, но оттуда выходили уже гораздо развѣннѣе и потому съ пріятнымъ удивленіемъ передавали, что звѣрь вовсе не такъ страшенъ, какъ его размазывали,—что онъ только рычитъ, но кусать не кусается, и что вѣрнѣе, даже не безъ интереса, можно съ нимъ побесѣдовать: стоитъ только не проговариваться ему о дѣлахъ (о чемъ всегда предостерегаютъ и лакеи) и затѣмъ не удивляться его общему вопросу: „какая еще подлость совершилась на свѣтѣ за послѣднее время?“ Но въ особенности за претнымъ былъ вопросъ о дѣлахъ. Приводили примѣры, какъ „папаша“ съ бранью выгонялъ гостя, осмѣливагося неосторожно коснуться этого щекотливаго и темнаго предмета... Читатели заинтересовались „папашей“, а если и не самымъ „папашей“, то его оригинальной фигурой, прозванной юнѣмъ то „кардинальской“. Все равно. Попытаемся заглянуть въ прошлое этой фигуры. И оцѣнитъ да въотъ страница изъ временъ его дав-

